
Жизнь человеческая есть ложь. За всякой улыбкой таится зевота, за всяким восторгом подспудное проклятие, за всяким удовольствием прячется отвращение, а от сладкого поцелуя остается на губах всего лишь томящая жажда новых наслаждений.

Гюстав Флобер

Жалость к палачам становится жестокостью по отношению к их жертвам.

Ромен Роллан

ГЛАВА 1

Дронго вернулся в Москву только вчера вечером. Последние две недели он провел в Италии вместе с семьей. Джил была просто счастлива, и дети тоже. Дронго с удивлением заметил, как они выросли. Стало понятно, что с ними нужно разговаривать несколько иначе, чем раньше. Но три дня назад ему позвонил профессор Гуртуев, и он принял решение вернуться в Москву.

Сегодня утром к нему приехал Казбек Измайлович. После недавнего расследования, которое они провели вместе, обнаружив одного из самых опасных преступников, действовавших на территории России и сопредельных го-

сударств, Гуртуев стал общероссийской знаменитостью. Про него писали в газетах, о его методах расследования рассказывали на юридических факультетах, его теории изучали самые известные криминалисты. Вскользь упоминалось, что вместе с профессором Гуртуевым в расследовании принимал участие известный международный эксперт, который по понятным причинам не любил афишировать своего имени и своих методов следствия.

Популярность не испортила Гуртуева. Есть такие фанатики своего дела, которых не интересует ничего, кроме их основной деятельности. Все сопутствующие успеху факторы — слава, деньги, известность, уважение и зависть коллег — не так важны для таких ученых. Главное — их непосредственная работа, в которой они находят истинный смысл жизни и самое большое удовлетворение.

— Как хорошо, что вы прилетели! — сразу начал Гуртуев, едва вошел в квартиру. — Я уже считал часы, когда наконец смогу с вами увидеться.

Он прошел в гостиную и сел в кресло, предложенное хозяином. Дронго устроился напротив.

— Из нашего разговора я понял, что Бара-

тов отказывается разговаривать со следователем, — сказал он.

— Вот именно, — кивнул Гуртуев, — вы понимаете, в чем проблема. Про Баратова написали все российские газеты, многие зарубежные издания. О нем сделали несколько репортажей европейские и американские корреспонденты. Он стал настоящей звездой. И отказывается сотрудничать со следствием, пока вы не придете к нему в камеру. Я дважды пытался с ним переговорить, но все безрезультатно. Со мной он тоже отказывается разговаривать, хочет видеть именно вас. Должен вам признаться, что этот человек обладает исключительной силой воли и довольно здравым рассудком, несмотря на свои маниакальные наклонности.

— Что конкретно он сказал вам?

— Объяснил, что хочет видеть и разговаривать именно с вами. Я ему честно сообщил, что вы — независимый эксперт, который не имеет никакого отношения к правоохранительной системе, и с вашим допуском в тюрьму будут большие проблемы, но он только усмехнулся в ответ. «Значит, когда вам нужно найти убийцу, вы зовете своего эксперта, несмотря на его свободный статус, а когда нужно пустить его в тюрьму, вы вспоминаете, что он не является вашим офицером?» — спросил он меня.

— Он сам назвал себя убийцей? — быстро уточнил Дронго.

— Представьте себе, да. Так и сказал. И вообще, он кажется мне вполне адекватным человеком, который все прекрасно осознавал, но просто уже не мог остановиться. Нужно сказать, что на беседу к нему записаны десятки корреспондентов со всего мира и несколько известных профессоров, моих коллег. Хотя никого из них и не пускают в тюрьму. Но они справедливо считают наше расследование абсолютно уникальным случаем. Найден сексуальный маньяк, который занимал довольно высокое место в социальной структуре нашего общества. Директор института архитектуры и градостроительства, профессор, без пяти минут доктор наук. Его диссертация была практически готова. И такой человек оказался сексуальным маньяком, серийным убийцей! Я слышал, что в Голливуде даже хотят снять фильм по этой истории.

— Они уже сняли безобразный фильм о Чикатило, — поморщился Дронго. — Им нужны лишь дикие факты, чтобы препарировать их по своему и зарабатывать на этом деньги.

— Каждому свое, — согласился Гуртуев. — Но согласитесь, что наш случай абсолютно уникальный. Все сотрудники его института в один

голос уверяют, что он порядочный и нормальный человек. И это даже после его ареста, после того как несколько независимых экспертиз подтвердили присутствие именно его ДНК на телах погибших. Ошибка полностью исключена, совпадения невозможны. Сама личность Вениамина Борисовича вызывает живейший интерес у психиатров и психологов всего мира. А он отказывается разговаривать с кем-либо, кроме вас. Он сказал, что будет говорить только с вами — с человеком, который сумел его вычислить и задержать.

— Просто какой-то Ганнибал Лектер, — пошутил Дронго.

— Что? — не понял Гуртуев.

— Был такой фильм «Молчание ягнят». В нем маньяк-психопат готов сотрудничать со следствием на определенных условиях, и к нему приходит молодая женщина — стажер из ФБР.

— Не видел, — признался Казбек Измайлович. — Я вообще не очень люблю смотреть детективы.

— Этот фильм можно посмотреть, — посоветовал Дронго, — он как раз о психологии преступников, пусть даже на голливудском примитивном уровне. Но зато там потрясающе играют актеры.

— Если будет время, то посмотрю, — согласился Гуртуев. — Только вы не стажер ФБР...

— Я считал это дело закрытым, — с явным неудовольствием произнес Дронго.

— Понимаю, — вздохнул Казбек Измайлович, — вы сыщик, а не психолог, и вам важно было вычислить преступника, а не копаться в его душевных драмах. Но с другой стороны, именно вам, как одному из лучших аналитиков, должно быть интересно проанализировать и понять все мотивы диких поступков этого человека.

— Я могу отказаться?

— Конечно, — грустно согласился Гуртуев, — но вы бы нам очень помогли. Понимаете, это действительно незаурядная личность. И вы прекрасно знаете, что он очень тщательно продумывал все свои преступления, не пользовался мобильным телефоном, запутывал следы, не летал самолетами, менял поезда, заранее прибывал в города, где замышлял преступления. Он был уверен, что его практически невозможно вычислить. И все равно вы его обнаружили. Несколько мелких ошибок, пара несовпадений, небольшая погрешность — и вы сумели его вычислить...

— Не перехвалите, — усмехнулся Дронго. — Я был не один. Во-первых, с нами работала

группа полковника Резунова, без которой мы бы не справились; а во-вторых, я ничего не смог бы сделать без вас, уважаемый профессор. Это ведь вы вывели свою теорию «синдрома жертвы» и даже сумели вычислить предполагаемый регион проживания преступника.

— Зато вы были одним из немногих, кто поверил в мою теорию, — уточнил Гуртуев.

— Не до конца, — рассмеялся Дронго, — хотя чем больше я изучаю ваши записи, которые вы любезно переслали мне, тем больше нахожу странные закономерности. Особенно по историческим личностям. Кажется, русская поговорка гласит: «Хоть горшком назовите, только в печь не сажайте». А ваша теория утверждает, что если вас называют горшком, то рано или поздно вы непременно очутитесь в печи.

— Я не был так категоричен, — заметил Гуртуев, — но, в общем, получается, что так или иначе имя подсознательно действует на его носителя.

— Особенно если этот человек отягощен грузом наследственности своих предков, — согласился Дронго. — Я недавно читал об образовании первой коммуны и провозглашении первой коммунальной хартии во французском городе Комбре в середине одиннадцатого века. И плюс еще дикие крестьянские волнения в

Бретани и по всему королевскому домену. Мне стало интересно, кто был королем Франции в этот момент. А именно, Генрих Первый из династии Капетингов, который, в отличие от своего предшественника Роберта Благочестивого, не был набожен или удачлив. Но он хотя бы умер собственной смертью, пусть и проклинаемый многими соотечественниками. Я немного знаю историю Франции, и мне не составило труда вспомнить, что Генриха Второго — уже в середине шестнадцатого века — убили на турнире, его сына Генриха Третьего заколол доминиканский монах Жак Клеман, а его зятя Генриха Четвертого убил фанатик Равальяк. Вот такая грустная история с Генрихами, которым так не везло во Франции, — хотя по-французски это имя звучит как Анри. Даже Генрих Пятый, уже через триста лет, так и не стал королем, хотя был внуком Карла Десятого и считался реальным претендентом на престол во времена Третьей республики. Вот такие невероятные совпадения. Может, им нужно было брать другие имена? Хотя... Его сын умер семи лет от роду, а брат, взявший имя Людовика Восемнадцатого, дважды бежал из собственной страны! Сначала в качестве принца, а затем уже как король, изгнанный Наполеоном. Может, действительно топор палача так радикально менял

представление о счастливом имени или все это лишь случайные совпадения?

— Мы уже с вами говорили, — напомнил Гуртуев, — случайных совпадений не бывает... Да, кстати, полковник Резунов тоже считает, что именно вы сможете разговорить нашего бывшего подопечного и заставить его давать показания.

— А заставить его говорить нельзя, — понял Дронго. — С одной стороны, он теперь почти европейская знаменитость и его нельзя даже трогать пальцем, не говоря уже о стандартных методах, применяемых по отношению к таким преступникам. А с другой — вы не можете вводить ему различные препараты, подавляя психику, так как он представляет для вас исключительный научный интерес и вы просто не позволите никому вмешиваться в работу его мозга. Все правильно?

— Почти да. Его даже содержат в отдельной специально оборудованной камере в том крыле, где нет остальных преступников. Вы же знаете, что обычные уголовники не любят подобных маньяков и поступают с ними соответственно. Но даже угроза перевести его к уголовникам на него не подействовала. Он понимает, что следователи не пойдут на такой шаг, так как это вызовет скандал. Каждый день о Ба-

ратове появляются все новые и новые статьи. Мы сделали из него настоящую звезду, европейскую знаменитость, и в этом вы правы.

— Именно поэтому я должен отказаться, — ответил Дронго, — это не мое дело — вызывать на откровенную беседу преступника. Для этого есть целый штат психологов, психоаналитиков и психиатров.

В этот момент позвонил мобильный телефон гостя. Гуртуев извинился, доставая свой аппарат.

— Он отказывается, — сообщил Казбек Измайлович, — категорически не хочет встречаться с Баратовым. Да, конечно. Я ему все объяснил. Но он не хочет. Да, я могу передать ему телефон.

Он протянул телефон Дронго и пояснил: «Полковник Резунов».

— Добрый день, Виктор Андреевич, — сказал Дронго, услышав знакомый голос.

— Здравствуйте. С приездом. Как хорошо, что вы прилетели! Вам, очевидно, Казбек Измайлович все уже рассказал. И я понимаю мотивы вашего отказа. Конечно, вы сыщик и не должны копаться в грязном белье. Но мне казалось, что вам самому будет весьма любопытно понять истоки поведения Баратова. Каким об-

разом он стал таким чудовищем, превратившись из интеллигентного человека в убийцу?

— Он никогда не был интеллигентным человеком, — печально возразил Дронго, — а был убийцей, который притворялся интеллигентным человеком. И его основная натура брала вверх над напускной интеллигентностью. Академик Лихачев считал, что притворяться интеллигентным человеком нельзя, но, видимо, это как раз тот самый редкий случай, когда Баратову удавалось всех обманывать.

— Возможно, вы правы, — согласился Резунов, — но нам крайне важно понять не только его мотивы, но и целенаправленность его действий. По некоторым эпизодам вообще ничего не доказано. Его сосед был убит, а супруга исчезла, и мы не можем найти ее тело. Нам просто необходима ваша помощь.

— Мне будет очень трудно с ним разговаривать, — глухо ответил Дронго, — когда мы приехали к нему, я разговаривал с Баратовым и видел его глаза. Мне даже в какой-то момент показалось, что он хотел, чтобы мы его арестовали. Словно боялся сам себя. Мне кажется, что с ним должны работать ваши психологи.

— Мы посылали туда лучших специалистов, — ответил Резунов, — но он замыкается в себе, не идет ни на какие контакты. Профессор

Сильванский считает, что в Баратове сказывается некий комплекс «сверхчеловека». Уже после первого убийства он получил не только сексуальное удовлетворение, но и осознание своей силы, своего могущества. Вы помните наши разговоры, наши сомнения? Без убийства, без подлинного наслаждения своей силой и осознания беспомощности жертвы он не получал настоящего удовлетворения. Именно поэтому и считал себя «сверхчеловеком». Но все же у него хватало ума отдавать себе отчет в противоправности своих действий; он понимал, что совершает нечто ужасное. Возможно, из-за этих противоречий он внутренне был готов к своему аресту. Но всех нас Баратов считает не столь совершенными людьми, как он сам. Или как вы, человек, который сумел его вычислить. Возможно, поэтому он испытывает по отношению к вам некий комплекс раздвоения личности. С одной стороны, он, конечно, вас ненавидит, а с другой — уважает как человека, оказавшегося равным ему и даже превзошедшего его.

— Это тоже один из методов психоанализа, — пробормотал Дронго. — Пытаетесь таким образом заручиться моим согласием?

— Пытаюсь, — рассмеялся Резунов. — Поймите и вы нас: ведь дело идет об исключительном маньяке, равного которому в нашей прак-

тике еще не было. Это пересмотр всех традиционных представлений о том, кто может быть преступником в подобных делах. Нам очень важно, чтобы вы согласились.

— Это я уже понял, — задумчиво произнес Дронго.

— Генерал Шаповалов сейчас на докладе у министра, — сообщил Резунов, — он попросил меня передать вам, что это и его личная просьба. Он собирался звонить вам...

— Пускаете в ход «тяжелую артиллерию»? — пошутил Дронго. — Считаете, что ему я не смогу отказать?

— Это ваш личный выбор, — согласился Резунов, — но я уверен, что вы согласитесь. Вы же профессионал и понимаете, как важно нам выйти с ним на контакт. А с вами он будет разговаривать...

— И как вы себе представляете наше общение? Мне каждый день приезжать к нему в тюрьму?

— Мы выпишем вам особый пропуск. Я лично буду сопровождать вас. Встречаться будете в специально оборудованной комнате. Если вы опасаетесь его мести, то мы свяжем его или наденем наручники... Мы примем любые ваши условия.

— В таком состоянии он вряд ли будет откровенным, — заметил Дронго, — а если вы еще

и завяжете ему рот, то он вообще не сможет говорить. Конечно, никаких наручников не должно быть, иначе получится, что я попросту боюсь оставаться с ним наедине, и это будет весомый аргумент в его пользу. А во-вторых, не нужно меня обижать. Я ведь рассказывал вам, что дрался с самим Миурой, сумев продержаться несколько секунд. Учитывая, что я почти в полтора раза тяжелее Баратова и выше на целую голову, то полагаю, что еще способен постоять за себя, даже со скидкой на нашу разницу в возрасте. Кстати, не такую уж и большую — он лишь на несколько лет моложе меня.

— В этом я как раз не сомневаюсь. Но для нашего спокойствия комната будет оборудована двумя видеокамерами и записывающими магнитофонами. Несколько сотрудников, находящихся рядом, помогут вам при необходимости. Перед каждой встречей Баратова будут тщательно обыскивать, исключая любые неожиданности. В комнате ни ручек, ни карандашей, ни скрепок, ни даже листов бумаги, чтобы ничего нельзя было использовать. Только привинченные к полу стулья и стол. Вас мы тоже попросим избавиться от всех металлических вещей, включая ремень, часы, телефон.

— То есть вы уже готовились к нашим встречам, еще даже не получив моего согласия? — понял Дронго.

— Я с самого начала был уверен, что вы согласитесь, — признался Резунов, — даже не сомневался. Спасибо, что вы согласились.

— Вы еще не услышали моего согласия, — добродушно сказал Дронго. — Хорошо, скажите генералу, чтобы он не беспокоился. Я приеду завтра утром в вашу тюрьму. До свидания.

Он передал телефон Гуртуеву.

— Очень хорошо, — обрадовался профессор, — я тоже буду все время с вами.

— Кажется, это было единственное условие, о котором я не сказал Резунову, — хмыкнул Дронго. — Чувствуя ваш невидимый взгляд, я буду гораздо увереннее. Только боюсь, что у нас ничего не получится.

— Почему? — не понял Гуртуев.

— Если я правильно понимаю этого человека, ему нужен собеседник для осознания какой-то истины, а не для того, чтобы группа ученых ставила над ним эксперимент. Он этого просто не допустит.

ГЛАВА 2

Утром за Дронго приехала машина, которую прислал полковник Резунов, и он отправился в тюрьму. Это был следственный изолятор Федеральной службы безопасности, расположен-

ный в бывшей тюрьме КГБ. В знаменитом здании на Лубянке уже давно не было столь известных преступников. После проверки документов Дронго выписали сразу два пропуска: на вход в здание и на верхние этажи. В отдельной комнате его ждали полковник Резунов и профессор Гуртуев. С ним был еще один незнакомый мужчина, лет сорока пяти, среднего роста, подтянутый и, несмотря на относительно молодой возраст, почти седой.

— Полковник Тублин, — представился он эксперту, — я веду дело Баратова. Было принято решение, чтобы этим делом вместе со следственным комитетом занималась и наша служба.

— Это я уже понял, когда меня сюда привезли, — пробормотал Дронго. — Что я должен с себя снимать, прежде чем увидеться с нашим подопечным?

— Все, — сказал Тублин, — желательно снять все, что может превратиться в оружие. Вы носите очки?

— Нет. И никогда их не носил.

— Сигареты, зажигалка?

— Я не курю.

— Часы?

— Я их не надел.

— Телефон?

— Я не взял его.

— Вы прямо идеальный посетитель, — без тени улыбки произнес Тублин. У него были холодные серые глаза, которые, казалось, давно разучились улыбаться. И сеть морщин вокруг глаз. Было очевидно, что за плечами этого человека большая и сложная судьба.

— Ремень? — продолжил спрашивать Тублин.

— Я его не надел, — Дронго развел полы пиджака.

Даже Резунов и Гуртуев улыбнулись, переглянувшись. Они уже неплохо изучили характер Дронго.

— Шнурки на ботинках, — посмотрел на обувь гостя Тублин. — Вы специально надели обувь без шнурков?

— Да, типа мокасин. Но не из-за вашего убийцы. Я вообще много лет ношу обувь именно этой фирмы.

— Хорошо. Последний вопрос. Хотя полагаю, что знаю ответ и на него. У вас нет никакой цепочки под рубашкой?

— Ничего нет, — ответил Дронго, — никаких цепей, никаких талисманов.

— Пойдемте, — предложил Тублин, — только учтите, что этот человек чрезвычайно опасен. Психологи считают, что в момент совершения преступлений или в момент наивыс-

шего возбуждения силы подобных маньяков удваиваются или утраиваются. Вместе с профессором Гуртуевым и полковником Резуновым мы будем следить за вами из соседней комнаты и при малейшей опасности ворвемся в комнату. Вся ее стена — настоящее зеркало, сквозь которое мы можем вас видеть. Рядом со мной будут два оперативника, специально подготовленные для подобных случаев. Но все равно будьте осторожны...

Было заметно, что ему не хочется пускать эксперта к преступнику.

— Вы не хотели этого свидания?

— Что вы сказали? — спросил Тублин явно для того, чтобы выиграть время.

— Вы ведь слышали, что я сказал. Почему вы были против?

— Он слишком опасный преступник, — убежденно ответил Тублин. — Понимаете, он ведь не просто нападал на первых попавшихся женщин и убивал их с особой жестокостью. Нет, он целенаправленно выбирал свои жертвы, отбирал их, знакомился, очаровывал, завоевывал, внушал доверие — и только затем, выждав удобный момент и подготовив все для нападения, совершал свои гнусные преступления. Он никакой не маньяк, а настоящий садист. Опасный и подлый садист. Я с ним разговариваю

уже много дней, это редкий экземпляр человеческой породы. Умный, начитанный, грамотный, все понимающий, осознающий и... убивающий. Новый вид зверя-хищника. Новый вид мутации, если хотите. Он ведь прекрасно знает, что именно вы смогли его вычислить. И возможно, поэтому так настойчиво требует встречи именно с вами. Не удивлюсь, если окажется, что он придумал какую-то пакость, чтобы досадить вам. Или просто свести с вами счеты. Он так спокойно рассказывал мне об одном из убийств, что я даже испугался за свою психику. Мне начал нравиться его обстоятельный план, его подготовка, его тщательный анализ с учетом всех факторов преступления. Честное слово, я был заворожен его рассказом. А он неожиданно усмехнулся и говорит мне, что я тоже немного садист, если пошел в следователи. Получаю удовольствие от вида жертв. Словно ушатом холодной воды меня облил.

Тублин вздохнул:

— Я даже приказал постричь ему ногти. Вдруг он оставил под ногтями какой-то яд — хотя тот не мог попасть к нему никоим образом. Приказал проверить его язык, может, он держит под языком лезвие... Хотя понимаю, что он директор института, а не обычный зэк. Но с ними мы хотя бы знаем, как себя вести. А как вес-

ти себя с этим типом, многие даже не представляют.

Тублин показал на дверь, рядом с которой уже стояли двое сотрудников ФСБ в штатском — оба высокие, плечистые, с угрюмым выражением лица, словно приглашенные из второсортного боевика.

— Мы в соседней комнате, — напомнил Тублин.

Дронго вошел в комнату. За столом сидел мужчина — тот самый Вениамин Борисович Баратов, на поиски которого эксперт и вся оперативная группа потратили столько сил и нервов. Человек, виновный в убийстве многих несчастных женщин. Он был в белой рубашке, серых брюках. На ногах мягкие тапочки. Услышав шаги, он повернул голову. За время, что Баратов провел в одиночной камере, он почти не изменился. Только немного похудел — но это даже пошло ему на пользу. Скулы проступили четче, глаза заблестели. Он был по-своему красив, нравился женщинам — подтянутый, чисто выбритый, с породистым лицом и длинными, красивыми пальцами рук.

— Здравствуйте, эксперт Дронго, — насмешливо произнес Баратов. — Кажется, так вас называют во всем мире.

Дронго кивнул в знак приветствия, проходя

и усаживаясь на второй стул, также привинченный к полу.

— Приятно, что вы пришли, — продолжал Баратов, — не каждый день удается принимать в тюрьме такую знаменитость, как вы. Наверное, вы даже не предполагали, что сделаете таким известным и меня, после того как смогли меня вычислить.

Дронго молча смотрел на своего визави.

— Вы меня переиграли, — признался Баратов. — Я даже не мог подумать, что меня разоблачат так быстро. Хотя, наверно, не очень быстро. Все-таки я кувыркался столько лет... Но сделал целый ряд глупых ошибок, на которые опытный профессионал должен был обратить внимание. Что вы и сделали. Все правильно?

— Рано или поздно вы бы все равно их сделали, — убежденно ответил Дронго, — и вас бы все равно вычислили — с моей помощью или без меня.

— Без вас было бы гораздо сложнее, — возразил Баратов. — А теперь все в порядке: я сижу в тюрьме, а вы гуляете где-то в Европе... Кажется, вы отдыхали со своей семьей в Италии? Я не ошибся?

Это была угроза. Вызов. Дронго заставил себя не дернуться при этих словах, не показать тревоги или испуга. Даже сумел усмехнуться,

буквально выдавливая из себя улыбку. Здесь очень важно не переигрывать, но и не давать себя запугать.

— У вас есть даже сведения о моей семье?

В соседней комнате негромко выругался Резунов.

— Нужно будет установить наблюдение за семьей Дронго, — предложил Тублин. — Откуда он узнал?

— Он получал сведения из Интернета, — пояснил Резунов, — видимо, готовился заранее, еще до своего ареста.

И словно услышав его, Баратов ответил:

— Конечно, есть. С тех пор как я узнал о том, что за моей головой охотится лучший охотник мира, сам эксперт Дронго. Кстати, почему Дронго? Что за непонятная кличка? Нужно было стать Бондом, Холмсом, Пуаро или Мегрэ. А то такая неопределенность — название какой-то птицы.

— Мне нравится эта птичка, — возразил Дронго, — никого не боится и умеет имитировать голоса других птиц. Что-то в ней есть особенное.

— Вы тоже никого не боитесь, — живо поинтересовался Баратов, — живо поинтересовался Баратов, — поэтому прячете свою семью в Италии?

— Это вы узнали из Интернета?

— Мне нужно было понять ваше мышление. Вы ведь пытались понять мое. Узнав о том, что вы прячете свою семью в другой стране и не позволяете им быть рядом с вами, я начал понимать ваш характер и логику вашего поведения. Это самоотречение дает вам возможность независимого существования, позволяет действовать без оглядки на своих близких, чтобы не подставлять их под месть ваших оппонентов. Ясно, что ваши расследования не могут понравиться всем, особенно тем, против кого они направлены.

— Вы позвали меня только для того, чтобы сообщить мне об этом? — поинтересовался Дронго.

— Нет, — возразил Баратов, — просто хотел, чтобы вы приняли мою информацию к сведению. Вы ведь прекрасно осознаете, что я волк-одиночка, у меня нет и не может быть подручных или пособников. Это просто исключено. Любить женщин я предпочитал в одиночку. Мне никогда не нравились групповые забавы: делить свою женщину с кем-то еще против моих убеждений.

— Сволочь, — яростно произнес Резунов, — эти убийства он называет «любовью к женщинам».

— В его понимании это было своеобразное

чувство любви, — меланхолично заметил Гуртуев, — ведь он выбирал из множества женщин именно тех, кто ему больше всего нравился.

— Это его оправдывает? — спросил Тублин.

— Это объясняет его поведение, — пояснил профессор.

— Рад, что вы не извращенец, — в тон ерничеству своего собеседника ответил Дронго. — Я думал, что вы обычный психопат с сексуальными отклонениями, а здесь у нас, оказывается, эстет с претензиями на высокие чувства.

Счет сравнялся. Баратов нахмурился, улыбка сползла с его лица.

— Это нечестно — бить лежащего, — заметил он.

— А вспоминать про мою семью, имея вашу репутацию, — честно? — поинтересовался Дронго.

— Молодец, — сказал Резунов, — так и нужно с этим гадом.

— Я не хотел вас испугать, — примирительно заявил Баратов, — только продемонстрировать свою заинтересованность. Вы ведь уже догадались, что я мог получить эти сведения лишь до того, как попал в эти стены. Здесь мне не разрешают подключаться к Интернету.

— Хотите, чтобы я походатайствовал перед начальством о вашем доступе в Интернет?

— Не хочу. Все равно не разрешат. А вы прекратите шутить, здесь не совсем идеальное место для ваших острот.

— По-моему, вы начали первым, — безжалостно заметил Дронго.

— А вы решили продолжить эту игру, — покачал головой Баратов. — Но, несмотря на ваш тон и вашу самоуверенность, я вижу, что вы все равно меня боитесь.

— С чего это вы взяли?

— Вы вошли сюда в обуви без шнурков. И ремня на вас тоже нет. И я не заметил на левой руке часов. Их наверняка с вас сняли, чтобы я не мог ими воспользоваться для каких-то особых целей. Но все это глупо. Я ведь не собирался нападать на вас. Вы наверняка сильнее меня физически и владеете какими-то приемами. Достаточно посмотреть на вас, чтобы понять — шансов у меня никаких. Поэтому вы напрасно так тщательно готовились к нашей встрече.

— Все знает, — пробормотал Тублин, — и все замечает. Я же говорил, что он очень опасен.

— Я приехал из дома именно в этой обуви, — возразил Дронго. — Часы я надеваю не всегда, а ремня действительно нет: костюмы я покупаю по фигуре и могу обойтись без ремня. Но я его

сознательно не надел. И знаете почему? Мне трудно было бы удержаться, чтобы не затянуть его на вашей шее.

— Молодец, — во второй раз произнес Резунов.

— И вы еще угрожаете человеку, который обречен провести остаток жизни в тюремной камере? Вам не стыдно?

— Не стыдно. Я видел убитых вами женщин. И знаю, какое горе вы приносили в каждую семью, в каждый дом. Мне трудно будет забыть это.

— Ах, вы еще и моралист... Странно. При вашей профессии «охотника» можно быть и более выдержанным человеком.

— Я не моралист, просто констатирую факты. И насчет Дронго. Надеюсь, что мне удастся оправдывать эту кличку и делать ее крайне неприятной для преступников всех мастей. Один мой «заклятый друг» однажды написал мне, что Дронго — всего лишь птица, пожирающая фекалии крупных животных. Очевидно, под крупным животным он понимал прежде всего себя. Я не обиделся. Если тебе пишут подобную гадость, значит, ты на верном пути.

— Остается позавидовать вашей выдержке, — ровным голосом произнес Баратов, — и поблагодарить вас за то, что приняли мое пред-

ложение. Вы ведь независимый эксперт и вполне могли отказаться. Хотя я был уверен, что вы не откажетесь. С одной стороны, на вас насядут бывшие коллеги и друзья, а с другой — вами будет двигать обычный человеческий интерес, ведь вам будет любопытно узнать, что я за человек и каков изнутри. Ведь вы не поленились лично прилететь за мной в Пермь, чтобы поговорить со мной за минуту до моего ареста.

— Не каждый день встречаются убийцы, имеющие целую идеологическую платформу под своими преступлениями, — ответил Дронго, — или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Я действительно убежден, что мои преступления не столь ужасны, как те, что совершают грабители, воры или обычные садисты. Хотя бы потому, что мне нравились эти женщины и я нравился им. Заметьте, что я никого не тащил в кусты, не склонял к встречам силой или обманом. Все приходило по добровольному согласию.

— Ну да, вы их сначала обманывали. А потом уже тащили в кусты, как было в Павловске, или в заброшенный дом, как в Уфе, или в подвал соседнего дома, как в Челябинске. И только потом насиловали и убивали.

— Не будем о грустном, — предложил Баратов. — Нас ведь наверняка записывают, и пря-

мо сейчас за нами следят человек пять или шесть. Подозреваю, что среди них может быть и ваш коллега — известный психоаналитик профессор Гуртуев. Профессор, добрый день! — Он поднял руку и помахал как раз в ту сторону, где за стеной действительно сидел Казбек Измайлович. Гуртуев почувствовал себя неуютно; он даже поежился, увидев, как убийца смотрит на него в упор и машет ему рукой.

— Неужели он может нас видеть? — спросил Гуртуев.

— Он блефует, — сквозь зубы ответил Тублин, — просто ему нравится подобное поведение. Знает, что до суда мы его и пальцем тронуть не можем, чтобы он там был в порядке и давал показания. Иначе ему давно бы ребра переломали и заставили отвечать на все наши вопросы.

— Это не метод, — возразил Казбек Измайлович. — Он во всем признается, а потом на суде откажется ото всех показаний. И еще продемонстрирует свои сломанные ребра.

— Тогда лучше всего вкатить ему лошадную дозу «сыворотки правды», — предложил Тублин, — и он начнет вспоминать даже такие подробности, о которых не помнит.

— В этом случае вы его просто спасете от суда, — предупредил Гуртуев. — Сделаете из

него настоящего психопата — и любая независимая экспертиза признает его невменяемым. Вы действительно хотите освободить его от судебной ответственности?

Тублин отвернулся и пробормотал какое-то ругательство. А в соседней комнате Баратов продолжал ерничать.

— И, наверное, рядом с ним два наших доблестных полковника, — говорил он, — Резунов из милиции и Тублин из ФСБ. Они даже чем-то неуловимо похожи друг на друга. Привет, полковники! Можете не сомневаться, что скоро получите генеральские звезды. За такого зверя, как я, их вполне могут дать. Оба меня так исто-во ненавидят, что я даже им немного завидую. Такое забытое чистое чувство ненависти.

— Сукин сын, — прошипел Резунов.

— Мы его, оказывается, должны любить, — зло добавил Тублин.

— Зачем вы меня позвали? — спросил Дронго.

— Хотел с вами переговорить, — признался Баратов, — с этим быдлом мне разговаривать просто неинтересно. А вы — человек думающий, творческий, любознательный. Мне показалось, что будет правильно, если я поговорю именно с вами.

— О чем?

— Обо всем. О жизни, о моей судьбе, о наших отношениях. Ведь вы сюда пришли именно для того, чтобы понять, каким образом я столько лет притворялся интеллигентным человеком, был директором института, любимцем всех наших женщин — а их у нас было почти три четверти всего состава сотрудников. Даже сейчас они наверняка не верят, что их директор такой сексуальный маньяк. Я не позволял себе на работе ни одного лишнего слова, ни одного жеста, ни малейшего намека на близость. И в секретарях держал пожилую женщину.

— Только иногда вы выходили на свою «охоту», превращаясь из милого директора института в патологически одержимого садиста и убийцу...

— Опять громкие слова, — поморщился Баратов. — Ну почему вы сразу переходите к оскорблениям? Я же не упрекаю вас, что вы сотрудничаете с нашей милицией. Приличный человек даже руки им не подаст, а вы готовы им помогать, применяя свои знания и свой опыт. Говорят, что их скоро переформируют и назовут полицией. Давно пора. Наша милиция — просто нереформируемая часть общества. Хотя полагаю, что полиция будет не лучше. Впрочем, это не мое дело. Я же не называю вас ищейкой,

стукачом, сексотом или еще как-то в этом роде. Давайте взаимно уважать друг друга.

— Для этого я должен забыть о ваших преступлениях. Мне трудно это сделать.

— Тогда спросите себя — почему я стал таким? Меня ведь не родили подобным уродом. Я был нормальным, хорошим, спокойным мальчиком из интеллигентной семьи. Папа был инженером на большом комбинате, мама работала в финансовом отделе. И все перевернулось в один момент, когда погиб мой отец.

Он замолчал. Было заметно, как он волнуется. «Может, именно для этого он меня и позвал», — подумал Дронго.

— Меня ведь все равно в живых не оставят, — неожиданно произнес Баратов. — Я прекрасно знаю, что в нашей стране нет смертной казни даже за такие преступления, которые я совершал; но все равно долго жить мне не позволят. Для любого сокамерника я буду отверженным, гнидой, которую он обязан раздавить. Для надзирателей я стану объектом издевательств. Но думаю, что до этого не дойдет. Как только объявят приговор, меня сразу определят в какой-нибудь закрытый «санаторий» одной из спецслужб, где начнут ставить эксперименты над моим мозгом, пытаюсь понять, откуда происходят такие ужасные преступники. И,

конечно, меня выпотрошат до основания. Это будет гораздо хуже смерти. И мы оба знаем, что все так и будет, как я сказал. Сколько вам лет?

Он не дождался ответа.

— Около пятидесяти, — продолжал Баратов, — я помню. Читал вашу героическую биографию. Мне сейчас сорок второй год. И у меня нет шансов дожить даже до вашего возраста.

— Он еще смеет жаловаться, — гневно сказал Тублин.

— Подождите, — попросил Гуртуев, — там говорят об очень важных вещах.

— И еще один вопрос, — продолжал Баратов, — только честно, если возможно. Предельно откровенно. Сколько у вас было женщин? Я имею в виду — интимных партнерш? Не вашу жену, конечно, а других женщин. Только не говорите, что вы идеальный муж. Наш разговор все равно не передадут вашей супруге, он для этого слишком секретный.

— Много, — честно признался Дронго.

— Не пять и не десять? — настаивал Баратов.

— Гораздо больше. — Он уже понимал, почему собеседник так настойчиво спрашивает его именно об этом.

— Я так и думал. А теперь вспомните, сколько было у меня. Я ведь не мог получать удовле-

творение другим способом. Просто ничего не выходило. Нужно было либо терпеть, что просто невозможно, либо идти и убивать, что гораздо легче. Теперь понимаете?

— Вы перепутали жанр. Я не смогу быть вашим адвокатом — ни в силу своего характера, ни в силу своего положения.

— А я и не прошу. Мне важно, чтобы меня поняли. Чтобы потом меня не выставляли обычным психопатом, который чокнулся на сексуальной почве. Все это неправда.

— И вы хотите рассказать мне, как все было?

— Я хочу, чтобы именно вы попытались меня понять. Не простить, а понять. Прощения я все равно не заслуживаю, но понимание мне просто необходимо. В конце концов, у меня растут двое племянников, дети моей сестры. Они должны узнать, что я не был тем чудовищем, о котором сейчас наверняка пишут во всех газетах.

— Вы хотите сказать, что не совершали этих преступлений?

— Совершал. Конечно, совершал. Я не отказываюсь ни от одного из них. Более того, после нашей беседы я буду готов давать показания по каждому эпизоду своих преступлений. Представляю, как сейчас радуется полковник Тублин, который слушает нашу беседу... Но сначала

ла я обязан поговорить именно с вами, попросить вас поверить в мою искренность и, если хотите, даже проверить все факты, о которых я вам сообщу.

— Он сошел с ума? — вздыбил брови Тублин. — Зачем ему это нужно?

— Артист, — зло отвечал Резунов, — хочет сыграть на публику.

— Нет, — возразил Гуртуев, усаживаясь поудобнее, — все это гораздо серьезнее. Он ведь сам пытается проанализировать собственное падение. Возможно, мы получим уникальную возможность выслушать его беспощадный анализ собственной судьбы. Это исключительно важно и для криминалистики, и для психоанализа его поступков. И в конце концов, это важно и вам. Ведь он, не скрывая ничего, признается во всех своих преступлениях. А вам будут нужны его показания, чтобы оформить все необходимые протоколы.

Резунов и Тублин переглянулись. Оба офицера внутренне не соглашались с ученым, но это был тот случай, когда необходимо было промолчать и не возражать.

В другой комнате Дронго задал вопрос:

— Когда и как погиб ваш отец?

ГЛАВА 3

Баратов помрачнел. Провел рукой по лицу, словно отгоняя неприятные воспоминания.

— Говорят, что все начинается в детстве, — глухо пробормотал он, — и негативные детские потрясения вырастают потом в большие проблемы. Но у меня не было таких проблем до пяти лет. Счастливое детство, рядом любимые папа и мама, старшая сестра... А потом случилась авария на комбинате, и мой отец погиб. Была даже не его смена, а его товарища, Корнея Стасильникова, — но отец, узнав об аварии, поспешил на комбинат. Вместо него должен был идти Стасильников, но он струсил, и пошел мой отец. Он погиб первым, вместе с ним — еще четверо. Стасильников получил ожоги, но остался жив. На похоронах он плакал и кричал, что это он должен был погибнуть вместо моего отца.

Он тяжело вздохнул.

— Мне было только пять лет. Про похороны мне рассказала мать. Я, конечно, ничего не помнил. А отец остался в памяти высоким, всегда задорно смеющимся мужчиной. Вот так я и остался в пять лет сиротой.

Он посмотрел на неподвижное лицо Дронго.

— У вас тоже нет отца? — догадался Баратов.

— Нет, — мрачно ответил Дронго.

— С детства? Вы тоже выросли без отца? — уточнил Баратов.

— Он умер недавно, — пояснил Дронго, — ему было уже за восемьдесят. Но боль от утраты до сих пор не проходит.

— Тогда вы можете себе представить, что именно я испытывал всю свою жизнь, — вздохнул Баратов.

— Не могу, — признался Дронго, — не могу даже представить. Это так тяжело — расти без отца. Мне даже в пятьдесят не хотелось его терять, а когда вам в десять раз меньше... Понимаю, что больно и несправедливо. Но таких семей в мире миллионы...

— И не во всех семьях, где погибает отец, вырастают дети-уроды, — закончил за него Баратов.

— Я не был так категоричен, — ответил Дронго.

— Этот негодяй хочет его разжалобить, — усмехнулся Тублин.

— Не думаю, — возразил Гуртуев, — ведь по материалам дела установлено, что отец Баратова действительно погиб, когда тому было толь-

ко пять лет. Он говорит правду. Пока, во всяком случае.

— Конечно, наше финансовое положение изменилось, — продолжал Баратов. — По утере кормильца мы получали пенсию. Мама продолжала работать на комбинате в финансовом отделе. На похоронах ей обещали помочь, все только и говорили о героизме моего отца. Ну а потом все постепенно забылось. Прошло несколько лет, и уже никто не вспоминал даже его имени. Когда мне было десять лет, мы поехали на могилу втроем: мама, я и моя старшая сестра. Кроме нас, никого не было — даже из профсоюза, обычно присылавшего цветы. Просто сменились люди, пришли молодые, которые ничего не знали и не помнили про события пятилетней давности...

Он немного помолчал.

— Если вы думаете, что у меня была какая-то ненависть или злость к этим людям, то это не так. В детстве такие соображения не приходят в голову. Я и сейчас думаю, что по большому счету никто ничем нам не был обязан. Никто, кроме Корнея Стасильникова... Но это уже другая история.

Где-то в третьем или четвертом классе у нас появился новый мальчик — Мурат, который рассказывал нам удивительные вещи. От него я

впервые узнал в анатомических подробностях, как и откуда берутся дети. А в пятом классе он предложил нам собрать деньги и отправиться к знакомой проститутке, которой нужно было заплатить огромную по тем временам сумму — кажется, двести рублей. Я продал магнитофон, который прислал мне дядя из Германии, другие тоже что-то придумали — и мы трое отправились с Муратом к этой женщине. Сейчас я понимаю, как это было глупо. Но рядом со мной не было отца или старшего брата, с которым я мог бы посоветоваться. Хотя, наверно, я бы не решился рассказать им о подобном.

Мы собрали двести рублей, и Мурат повез нас в какое-то злачное место, к опустившейся женщине. Подозреваю, что он не дал ей все наши деньги, решив сэкономить столь бессовестным образом. И первым пошел к ней. За ним был мой товарищ Леня, который вышел оттуда в ужасном состоянии и отправился в туалет, где его долго рвало. Другой наш товарищ, Яша Хейфец, просто сбежал, не решившись зайти к ней.

Баратов замолчал. Затем взглянул на Дронго.

— Наверно, вы уже догадались. В таких антисанитарных условиях ничего хорошего не могло произойти. К тому же тогда не было презервативов, а о СПИДе еще никто не слышал.

Все трое заболели тяжелой формой гонореи. Мурат умер через четыре года — его мать была уборщицей и не смогла найти достаточно средств, чтобы вылечить сына. Леонида отправили в Москву и там долго лечили. Говорили, что вылечили. А я скрывал все от матери, пока не стало совсем плохо. Очень помог мой дядя, ее брат, который служил в Германии; он тогда присылал мне дорогое и дефицитное лекарство. Врачи считали, что им удалось меня вылечить. Во всяком случае, анализы показывали довольно приемлемый результат. Правда, матери пришлось уйти с работы и устроиться в собес, где она получала гораздо меньше денег. А потом мы продали нашу большую квартиру и купили хрущевскую двушку на окраине города. На мое лечение и содержание нашей семьи у матери просто не было денег. Самое интересное, что отец Лени — парня, который был вместе со мной у этой женщины, — считал именно меня виновником того, что случилось с его сыном. Меня и Мурата. А он был в это время главным инженером комбината. И, конечно, моей матери пришлось оттуда уйти — ведь он везде говорил, что в болезни его сына виноваты мерзавцы Вениамин и Мурат, босяки, выросшие без отцов. Это было правдой: у нас обоих не было отцов.

Потом, во время выпускных экзаменов, меня едва не завалила тетка Леонида, родная сестра его отца. Она была учительницей химии и твердо решила выставить мне двойку, чтобы такой хулиган и бандит, как я, не получил аттестата о среднем образовании. Учился я довольно хорошо, по всем предметам были пятерки и четверки. А на экзамене она откровенно меня заваливала, пока одна практикантка не догадалась позвать директора школы. Тот пришел, задал несколько вопросов и потребовал поставить мне тройку. Я окончил школу с тремя тройками. Еще две — по физике и астрономии, — даже не спрашивая меня, поставил муж учительницы химии. Он оказался более подрядочным человеком, чем его супруга...

Баратов снова замолчал. Затем неожиданно спросил:

— Знаете, что самое примечательное в этой истории? Фамилия отца Леонида была Стасильников. Да, да, тот самый Корней Стасильников, жизнь которому спас мой отец. И который клялся в любви к нашей семье. Он отправил сына на лечение в Москву, а мою мать просто выжил с комбината, где она проработала много лет. И никто даже не попытался за нее заступиться. Все были возмущены моим скотским поступком, когда я так подвел сына их благоде-

теля и даже подставил его под какую-то заразу. Вот такая забавная петрушка у меня получилась в отрочестве.

Он замолчал. Потом, глянув на Дронго, поинтересовался:

— Так и будете молчать или что-то скажете?

— Вы думаете, что все это правда? — неуверенно спросил Тублин, обращаясь к профессору Гуртуеву.

Тот пожал плечами и недовольно отвернулся. Затем выдавил:

— В мире так много несправедливости... Иногда встречаются и подобные прохвосты, никто от этого не застрахован.

— И вы считали, что семья Стасильниковых виновата перед вашей семьей? — поинтересовался Дронго. — Именно с них вы и начали свой кровавый отсчет?

— Конечно, нет, — даже обиделся Баратов. Я понимал, что отец Леонида был чудовищно неправ. Но я понимал также, почему он так реагировал. Ведь на самом деле именно я под влиянием Мурата уговорил Леонида пойти с нами. И формально отец Лени был прав: именно я и был виноват перед ним в этом совместном походе. Мы ведь дружили с Леней с самого первого класса.

— Потом вы с ним виделись?

— Один раз, спустя много лет. Кажется, три года назад. Я уже был директором института и приехал по своим делам в Москву, а он как раз навещал в Перми свою больную мать. Я летел бизнес-классом, а он — экономическим, но на выходе мы с ним столкнулись. Он полысел, обрюзг, постарел, подурнел. В неполные сорок выглядел на все пятьдесят или даже старше. Рассказал, что развелся с первой женой, а вторая ушла от него сама. Работает в какой-то конторе по заготовке сырья. От него пахло дешевым одеколоном и потом. Он был одет в мешковатый, плохо сидевший костюм. Я еще подумал, что Бог все-таки иногда бывает справедлив. Хотя сейчас, наверное, он думает так же, узнав о моем аресте. Но в любом случае я бы не хотел быть на его месте. Так что вы ошиблись: никаких дел с семьей Стасильниковых у меня не было.

— Зато соседа своего с женой вы убили, а его жену, судя по всему, еще и изнасиловали... и, скорее всего, тоже. Вам не кажется, что это какие-то дикие латиноамериканские страсти? — мрачно поинтересовался Дронго. — О таких ужасах можно прочесть скорее в книгах Марио Варгаса Льосы.

— Прекрасный писатель, — кивнул Баратов, — я читал его «Войну конца света».

— Значит, помните, как главный герой отомстил за свою честь, когда его женщина ушла к другому? Он отрезал уши ее братьям и забрал младшую сестру в свою банду. Через несколько месяцев несчастная вернулась беременной и с письмом, что каждый член банды может быть отцом ее ребенка. Когда Льюса пишет подобное о латиноамериканских бандитах, я его понимаю. Но вы, директор института, специалист по мировой архитектуре — и вдруг такие непонятные страсти. Что произошло?

— Именно из-за своего соседа я и стал тем, кем стал, — ответил Баратов, — и поэтому считал себя вправе осуществить подобное возмездие. Не преступление, нет, а именно возмездие.

— Перестаньте, — строго прервал его Дронго. — Кто дал вам право на самосуд?

— Моя сломанная жизнь. Я же вам говорю, что именно он все и сломал. Может, сам того не желая, но сломал. После лечения у меня были большие проблемы с потенцией и с женщинами. Чего только я не пробовал! Ничего не получалось. Некоторые откровенно смеялись надо мной, некоторые жалели... А потом я устроился работать в супермаркет, где работала Катя, с которой мы близко сошлись. К тому времени моя мать вышла замуж во второй раз. Нужно сказать, что отчим был приличным, неплохим

человеком, заботился о ней и о нас с сестрой, но я его страшно ненавидел с первого и до последнего дня его жизни. Понимал, что не прав, что так нельзя, но все равно ненавидел.

— Почему?

— Однажды я случайно вернулся домой немного раньше и услышал, как они занимались любовью с моей матерью. Вернее, пытались заниматься любовью. Ему было уже много лет, он болел, страдал одышкой, диабетом, гипертонией... В общем, полный букет. И, конечно, как мужчина не был всегда на высоте. А моя мать вообще не встречалась с мужчинами много лет после смерти отца. И вот они оказались вместе, и я случайно услышал, как он просил ее... В общем, это нормальная просьба для пожилого человека, которому нужно помочь привести себя в «рабочее» состояние. Но это я сейчас понимаю, а тогда я готов был убить их обоих. Стоял, слушал, дрожал и сам боялся себя, чувствуя, как гнев и ненависть нарастают во мне со страшной силой.

Он вытер лицо ладонью, перевел дыхание, немного успокоился.

— Молодой был и глупый. Бросил институт, ушел в армию, там тоже всякого насмотрелся. Нас ведь тогда бросили в Таджикистан, как раз во время распада большой страны. А там —